

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-758-773
УДК 811.111'373.422'36

Научная статья / Research article

Лексико-грамматические способы выражения противительности в англоязычном художественном тексте

Л.Н. Лунькова¹✉, Ю.И. Фролова²

¹Государственный социально-гуманитарный университет,
140410, Российская Федерация, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30

²Средняя общеобразовательная школа № 18,
140404, Российская Федерация, Московская область, г. Коломна, ул. Южная, д. 7
✉loralu@list.ru

Аннотация. В статье анализируются понятийная природа и особенности родо-видовых отношений между явлениями *противопоставления* и *противительности*, а также рассматриваются лексико-грамматические способы выражения последней на материале англоязычного художественного текста. Обозначено, что наряду с логическим компонентом противопоставление обладает способностью выражать и субъективную составляющую, манифестирующую уникальный взгляд коммуниканта на ситуацию общения: в этом случае можно говорить о появлении семантики противительности. В отличие от пространственного, логического и грамматического противопоставлений, обладающих, как правило, симметричной структурой, субъективное (противительное) противопоставление является асимметричным. Выявлено, что благодаря структурной асимметрии оно характеризуется более эффективным семантическим потенциалом в сравнении с логическими и грамматическими противопоставлениями. Доказано, что осложнение субъективных противопоставлений посредством «включения» в их состав антонимических пар, лексических и синтаксических повторов, антитетических единиц, оксюморонов и т.д. расширяет объем имплицуруемых ими смыслов, а использование в художественном тексте самих субъективных (противительных) противопоставлений становится эффективным средством реализации принципа контраста как на лексико-грамматическом уровне, так и на уровне текстообразования.

Ключевые слова: противительность, оппозиция, симметричное противопоставление, асимметричное противопоставление, субъективное противопоставление, антонимия, контраст, коммуникация

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2020

Дата приема в печать: 01.03.2021

© Лунькова Л.Н., Фролова Ю.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Лунькова Л.Н., Фролова Ю.И. Лексико-грамматические способы выражения противительности в англоязычном художественном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 13 № 3. С. 758—773. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-758-773

UDC 811.111'373.422'36

Lexical-Grammatical Means of Expressing Oppositivity in an English Literary Text

Larisa N. Lunkova¹✉, Julia I. Frolova²

¹State University of Social Studies and Humanities,
30, Zelyonaya str., Kolomna, Moscow region, Russian Federation, 140410

²High Comprehensive School Number 18,
7, Yuzhnaya str., Kolomna district, Russia Federation, 140404

✉loralu@list.ru

Abstract. The article considers the notional nature and peculiarities of genus-species relations between the phenomena of *opposition* and *oppositivity*; it also deals with the lexical-and-grammatical ways of expressing the latter in an English literary text. The study establishes that, besides the logical component, an opposition also expresses a subjective one, manifesting a communicant's unique view on the communicative situation and thus displaying semantics of oppositivity. Unlike spatial, logical and grammatical oppositions, generally characterized by a symmetrical structure, the subjective (oppositive) opposition is asymmetrical. It is revealed that due to the structural asymmetry this kind of opposition is marked by greater semantic potential compared to logical and grammatical oppositions. It is proved that the complication of subjective oppositions with antonymous pairs, lexical and syntactical repetitions, antithetic units, oxymorons etc. extends the scope of meanings implied by them; and the use of subjective (oppositive) oppositions in a literary text themselves becomes an effective tool of contrast-building both on the lexical-grammatical and textual levels.

Key words: oppositivity, opposition, symmetrical opposition, asymmetrical opposition, subjective opposition, antonymy, contrast, communication

Article history:

Received: 01.12.2020

Accepted: 01.03.2021

For citation:

Lunkova, L.N. & Frolova, Ju.I. (2021). Lexical-Grammatical Means of Expressing Oppositivity in an English Literary Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 758—773. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-758-773

Введение

Одной из важнейших функций естественного языка является когнитивная, в соответствии с которой язык, находящийся в диалектическом взаимодействии с мышлением и окружающей действительностью, выступает средством ее вербальной и культурной реконструкции: язык, формируя мысль,

актуализирует ее в речи. Ментальные модели, сформированные в результате категоризации и концептуализации реальности, обладают многослойной структурой и нередко вербализуются как симметричные или асимметричные оппозитивы в составе сложных оппозитивных конструкций. Оперирование противопоставлениями в процессе языкового мышления есть естественная тенденция интеллектуальной деятельности человека, актуализирующаяся не только в обыденной жизни, но и в рамках научного, а также чувственно-художественного познания мира.

В плоскости метанауки термин *противопоставление* характеризуется синкретизмом понятийных форм. В нем сконцентрировано множество смыслов, выражающих разнообразные аспекты отношений нетождественности — принципиально важного различия между эксплицитно или имплицитно сопоставляемыми объектами. Ввиду структурной сложности понятие *противопоставление* используется в научном дискурсе для передачи одного из совокупности свойственных ему оттенков, а потому часто определяется посредством и целого ряда семантически более «узких» терминов, например, противополжения, противопологаия, противоположности, противоречия, несходства, оппозиции, антитезы, контраста, антиномии, дуализма, парадокса и т.д. Семантический объем, вкладываемый в понятие *противопоставление*, а также выбор комплементарного терминологического инструментария определяется спецификой каждой конкретной отрасли знания. Так, в контексте логико-философских изысканий противопоставление исследуется в качестве сложного многоаспектного феномена, тождественного противоположности и трактуемого как сопряжение парных предметов или явлений, «составляющих два полюса в рамках некоторого единого основания» [1. С. 470]. В философском словаре Г. Шмидта противоположность приравнивается к контрадикторности, а ее сущность усматривается в том, что «два (...) суждения не могут быть одновременно истинными, и если одно из них истинно, то другое обязательно ложно. Или иначе: одно и то же суждение не может одновременно быть и утвердительным, и отрицательным» [2. С. 366]. С позиции логики противопоставление также тождественно противоположности: «в отношении противоположности находятся такие несовместимые понятия, объемы которых включаются в объем более широкого, *родового* понятия, но не исчерпывают его полностью, напр. «белый — черный», «сладкий — горький», «высокий — низкий» и т.п.» [3. С. 384], т.е. логическая противоположность — «это категория, выражающая отношение несовместимости между отрицающими друг друга концептами из-за способности выражения чего-либо положительного, нежели отрицательного в несовместимых понятиях» [4. С. 594]. В эстетике противопоставление реализуется в виде фундаментальной дихотомии *прекрасное — безобразное*. Категория прекрасного — базовая и наиболее объемная эстетическая категория, «абсолютное совпадение конкретного явления с соответствующей эстетической нормой» [5. С. 186]. Существовая на стыке материального и идеального, прекрасное детерминирует отношения между объективными и субъективными характеристиками объекта. Человеческим

сознанием оно воспринимается как безусловно «положительный феномен, вызывающий целую гамму чувств, начиная от спокойного любования и кончая бурным восторгом» [6. С. 122]. С точки зрения этики духовный мир человека определяется основополагающей дихотомией *добро — зло*. Добро — это не что иное, как морально-нравственный абсолют, набор высших духовных ценностей, регулирующих жизнь индивида и наполняющих ее подлинным содержанием. В отличие от добра зло обесценивает жизнь человека, стимулируя разрушение духовно-нравственных основ сначала на личностном уровне, а потом и на уровне человеческих обществ: оно «подрывает основы творческого сотрудничества людей, распространяя вражду между ними и (или) лишая их высших человеческих способностей» [7. С. 96]. Особенности актуализации понятия *противопоставление* в контексте различных отраслей знания дают основание резюмировать, что его совокупный содержательный объем в метанаучном пространстве концептуально базируется на универсальной логической операции идентификации сущностно важных различий в структуре одного сложного интеллектуального объекта или между несколькими интеллектуальными объектами. Таким образом, противопоставление есть естественный атрибут абстрактного мышления человека, служащий эффективным инструментом познания идеальной/материальной природы реальности.

Противопоставление в системе языка. Противопоставление и семантика противительности

Идея о противопоставлении как об одной из форм организации мыслительного кода манифестируется и в языковой системе. Согласно лингвистической науке сущность категории противопоставления, или оппозиции¹, обнаруживается в «различии двух или более однородных единиц языка, способном выполнять семиологическую функцию, т.е. быть семиологически релевантным» [10. С. 358]. В естественном языке выделяют два вида оппозитивных структур: «противопоставление по два (...) типа *A — не A*; противопоставление по наличию (отсутствию) одного и того же элемента или по максимальной (минимальной) степени одного и того же качества» [там же], а также противопоставление, представляющее собой «разложение сложной системы лингвистически релевантных различий на ряд минимальных пар» [там же]. Очевидно, что противопоставление в лингвистике сохраняет присущий мета-науке многомерный смысл анализируемой категории: применительно к феномену естественного языка он маркирует полярные качества и способы

¹ Согласно “The Concise Oxford Dictionary of Linguistics” оппозицией считается любое парадигматическое отношение между языковыми единицами, обладающими дифференциальными признаками в данном языке [8. Р. 258]. Сходное определение представлено и в работах А. Мартине: оппозиция трактуется исследователем «как отношения между единицами, входящими в одну и ту же парадигму, как противопоставление в системе» [9. С. 48]. Далее в тексте позволим себе осуществлять терминологическую взаимозамену во избежание тавтологичности.

функционирования языкового явления или явлений как изолированно, так и в контексте.

В соответствии со структурно-семантическим подходом на лексическом уровне противопоставление типа $A — не A$ реализуется в антонимических парах и противопоставительных единицах, носящих служебный характер: модальных словах, вводных конструкциях, частицах, предлогах. На уровне грамматики оно существует в форме сложных предложений с союзной (при наличии оппозитивных союзов и союзных слов), а также бессоюзной связью. Лексико-грамматический уровень — своеобразная «точка пересечения» двух плоскостей: лексической и грамматической. Противопоставительные элементы, функционирующие в его пределах, способны вступать с другими элементами языковой системы в связи, свойственные каждому из уровней в отдельности. Фактически категория оппозиции служит важнейшим регулятором лексико-грамматических отношений в языке и речи, т.е. выполняет формо- и смыслоорганизующую функции, тем самым обеспечивая логическую базу для актуального мыслепорождения языковой личности.

Наряду с логическим компонентом противопоставление обладает способностью выражать и субъективную составляющую, манифестирующую уникальный взгляд коммуниканта на ситуацию общения: в этом случае оно «является точкой зрения, перспективой, выбранной говорящим для представления описываемых положений вещей» [11. С. 78]. Такая форма языкового мышления характеризуется комплексной структурой и включает в себя не только собственно логическое противопоставление, но и противопоставление субъективно-оценочное. В данных обстоятельствах можно говорить о появлении семантики *противительности*, имеющей уникальные, свойственные только ей особенности лингвистической манифестации. По мнению М.С. Миловой, «противительность является специфической формой реализации в языке фундаментального противопоставления $Я — не-Я$ » [12. С. 8], а именно: «за одним из противопоставляемых положений (противоположений) скрывается *говорящий субъект*, и смысл такого субъективного по своей сути противопоставления сводится к тому, что формально-логическое противопоставление $A — не-A$ в языке имеет форму $Я — не-Я$, причем с обязательной перестановкой компонентов ($не-Я — Я$), указывающей на коммуникативную выделенность позиции говорящего» [12. С. 15]. Как отмечает В.Я. Дорошевский, «нас интересует $Я$ в качестве действующего субъекта, а действующий субъект — это субъект, который существует в отношениях к тому, что является внешним» [13. С. 37]. Резюмируя наблюдения М.С. Миловой и В.Я. Дорошевского, следует заключить, что семантика противительности выражает личностно-ориентированную, эмоционально окрашенную реакцию коммуниканта на актуальный объект-стимул. Иными словами, противительный смысл возникает на базе противопоставления только в том случае, если говорящий интенсивно маркирует свою мировоззренческую установку особым чувственно-волевым посылом. Важно добавить,

что «отношения «противопоставление — противительность» — это не совсем отношения типа *больше/меньше, уже/шире* и не отношения включения (родовидовые). Это отражение взаимоотношений языка и мышления, точнее — категорий языка и категорий мышления: противительность — **языковая интерпретация идеи противопоставления**» [12. С. 29].

Основные виды языковых оппозиций и их структурно-семантическая характеристика

Опираясь на исследования М.С. Миловановой в области семантики противительности, можно выделить следующие типы оппозиций: пространственный (объективный): логический (объективно-логический), грамматический (логико-грамматический или объективно-субъективный) и субъективный (собственно противительный) [12. С. 19]. К пространственному типу исследователь относит противопоставление, способное функционировать как в познающем субъекте, так и в познаваемом объекте. В последнем случае имеет место реальное противостояние между материальными и идеальными полярными субстанциями, обеспечивающее само существование объективной реальности и ее перманентную трансформацию [14. С. 129—130]. Из этого следует, что пространственное противопоставление предельно объективно: один материальный/идеальный объект находится в оппозиции к другому относительно материальной/идеальной оси. С точки зрения содержания на пространственном противопоставлении базируются все остальные типы — логический, грамматический и субъективный. В логическом — лексические оппозитивные элементы детерминируют противопоставление концептов, формирующих семантически сложное по структуре суждение. Грамматический тип репрезентирует диаметрально противоположные взгляды на рассматриваемый объект в составе закрытой двухкомпонентной синтаксической конструкции. Для субъективного противопоставления (т.е. собственно противительности) ключевым фактором становится не столько логическое начало, сколько присутствие критической ситуации несогласия с существующей идейной позицией, индикатором которой могут выступать такие эмоциональные состояния, как равнодушие, вовлеченность, непонимание, раздражение, негодование, обида и т.д. [12. С. 8]. Итак, факт противительности, имеющий место в естественном языке, в сущности представляет собой ментальную модель (понятие или суждение), изначально характеризующуюся оппозитивным построением с точки зрения формальной логики и вербализированную с помощью логического и/или грамматического противопоставления, осложненного противопоставлением субъективным (противительным).

Как было отмечено, отношения противопоставления свойственны, главным образом, языковым единицам трех наиболее семантически значимых уровней: лексическому, грамматическому и лексико-грамматическому. Однако в случае возникновения противительных отношений, репрезентирующих чувственно-субъективную составляющую, выразителями данной семантики

становятся не только единицы этих уровней, но и фонетические (интонация раздражения, негодования, обиды и т.д.), а также текстообразующие (например, принцип контраста²) элементы.

В качестве предмета данного исследования мы рассмотрим структурно-семантические особенности субъективного противопоставления (противительности), уделив особое внимание анализу специфики их реализации в плоскости лексико-грамматического и текстового уровней на материале рассказа Д.Д. Сэлинджера “*Pretty Mouth and Green my Eyes*” («И эти губы, и глаза зеленые»).

В то время, как пространственное, логическое и грамматическое противопоставления обладают, как правило, симметричной структурой (оппозитивы однородны и соразмерны), субъективное противопоставление является асимметричным (оппозитивы неоднородны и несоразмерны). Полагаем, что асимметрия последнего обусловлена, прежде всего, присутствием ярко выраженного противительного смысла, манифестация которого требует привлечения дополнительных языковых средств. В результате оппозитив, выделяющий идейную позицию действующего субъекта, становится структурно более сложным и более «нагруженным» семантически в сравнении с оппозитивом, индицирующим противоположную точку зрения. Языковые единицы, оформляя разнообразные ментальные модели, стремятся к внутренней организованности и первоначально в языке фиксируются базовые симметричные оппозитивы. Однако в процессе речевого смыслопорождения нередко возникает прагматическая необходимость в формировании асимметричных оппозитивных конструкций, адекватно объективизирующих коммуникативный замысел говорящего. Можно утверждать, что противительность выступает одним из факторов языковой асимметрии, так как тот или иной элемент языковой системы на любом уровне потенциально способен претерпевать структурно-семантические трансформации в зависимости от прагматики сообщения.

Антонимия как способ выражения противительности

Лексическим средством воплощения идеи противопоставления становится антонимия, обладающая комплексной, многоаспектной природой. Именно она предопределяет существование широкого спектра дескриптивных трактовок. Так, например, О.С. Ахманова рассматривает антонимию в качестве «семантической противопоставленности, противоположности» [10. С. 47], а Е.И. Диброва понимает под антонимической парадигмой «объединение слов с противоположными значениями», семантическим субстратом которых выступает «общий интегральный признак (или признаки) и дифференциальный признак (или признаки), несущий в себе противоположность значений» [16. С. 244]. Л.А. Булаховский отмечает, что «антонимы в

² Контра́ст (фр. *contraste* — резкое отличие) — резко выраженная противоположность черт, качеств, свойств одного человеческого характера, предмета, явления другому [15. С. 71—72].

основном относятся к выражению качеств, но возможны также (...) при названии действий и состояний отрицательного или отменяющего характера» [17. С. 48]. С точки зрения Н.В. Комиссарова, только «часть слов-антонимов по характеру существующих между ними отношений соотносится (...) с так называемыми противоположными понятиями» [18. С. 58], т.е. явление антонимии объективно шире логической противоположности. Как полагает Л.А. Новиков, противоположные единицы могут «не только противопоставляться (...), но и складываться, соединяться, а также сопоставляться, разделяться, чередоваться, сравниваться, дополнять друг друга и т.д.» [19. С. 126]. Кроме того, Л.А. Новиков делает акцент на языковой универсальности антонимии. По мнению ученого, она «(...) должна быть определена как наиболее общее и характерное для всех носителей языка противопоставление слов, (...) закрепленное в нормах словоупотребления и основанное на опыте не отдельных групп, а всего языкового коллектива» [20. С. 36]. В работах В.А. Михайлова актуализируется речевой характер антонимии. Согласно его подходу, «антонимия есть не имманентное и заданное свойство тех или иных слов-антонимов, а свойство системы языка в целом, реализуемое в конкретной речевой ситуации в одних условиях и нейтрализуемое в других» [21. С. 77].

В зарубежном языкознании наибольший вклад в исследование сложной лексико-семантической сущности антонимии внесли Р. Иган, А. Круз, Дж. Лайонс, Р. Лерер, Л. Палмер и др. В их научных трудах рассматриваются три типа оппозитивных отношений: собственно антонимичные, комплементарные и конверсивные. К антонимам Дж. Лайонс, например, причисляет исключительно языковые элементы, способные формировать градуальные оппозиции, например, *rich — poor, cold — hot*. Комплементаривы определяются ученым как пара контрастных единиц, отрицание одной из которых автоматически подразумевает утверждение другой, например, *life — death, war — peace*. Конверсивные связи возникают в бинарных противопоставлениях, если их члены выражают разнонаправленность характеристического признака, например, *buy — sell, doctor — patient* [22. Р. 275—290]. А. Круз утверждает, что далеко не все семантически противоположные слова являются антонимами. В качестве иллюстрации он приводит оппозицию *tubby — emaciated*, где между контрастивами отсутствуют устойчивые полярные ассоциации, закрепленные в коллективном языковом сознании на уровне концептов [23. Р. 201]. А лингвист-лексикограф Р. Иган видит главное отличительное свойство антонимов в их полной идентичности с точки зрения широты спектра имплицуемых смыслов [24. Р. 5а-31а].

Обобщая опыт теоретического осмысления природы антонимии в отечественной и зарубежной лингвистике, можно выделить два основных подхода к определению феномена. В «узком» смысле антонимия трактуется как «противопоставленность лишь одного из компонентов содержания слов, обозначающих одну и ту же сущность» [19. С. 45], в «широком» — как не только языковое, но и речевое явление. В рамках настоящего исследования нам представляется целесообразным опираться на более «широкое» определение.

В отличие от «языковой» антонимии, интуитивно идентифицирующей представителей одной и той же лингвообщности в качестве симметричной субстанции, антонимическим оппозициям, реализующим свойственный им семантический потенциал в речевой форме, традиционно характерна и симметрия, и асимметрия. Из чего следует, что импликация смыслов в структуре логического или грамматического противопоставления возможна при использовании антонимов различного типа с точки зрения существующих лексико-грамматических классификаций: узуальных/окаzionaliальных (контекстуальных), логических/прагматических, канонических/неканонических, полных/частичных, точных/приблизительных и т.д. Однако когда у действующего субъекта возникает потребность в трансляции специфического опыта, чувственно-эмоционального переживания посредством индивидуально-авторского смыслопорождения, особое значение приобретают языковые элементы, выходящие за пределы общепринятой перцепции и способные адекватно репрезентировать самобытность коммуникативного посыла автора [12. С. 12—19]. В таком случае чрезвычайно актуальным становится обращение к асимметричным антонимическим оппозициям, один из или несколько членов которых склонны расширять и сужать семантический объем в зависимости от конкретной ситуации общения. Очевидно, в большей степени данными свойствами обладают контекстуальные, прагматические, неканонические, частичные, приблизительные и др. антонимы. Поэтому при появлении в речи противительной семантики, т.е. противопоставления, «осложненного субъективно-оценочными смысловыми компонентами возражения, несогласия, протеста, враждебности, ограничения, отрицания и т.д.» [12. С. 8], частотность употребления асимметрично выраженных антонимов в сравнении с остальными типами возрастает.

Антонимия и контраст

В художественном тексте симметричные и асимметричные антонимические пары в структуре противопоставлений разного вида широко используются в качестве инструмента создания контраста на лексико-грамматическом и текстовом уровнях. И как только логико-грамматическое противопоставление становится контрастным, оно неизбежно трансформируется в противопоставление субъективное (противительное), т.к. семантически и стилистически контраст «нацелен» на создание эмотивно-оценочного, а значит противительного фона.

В рамках традиционного познания человеком окружающей действительности под *контрастом* понимают «противоположность в каком-либо отношении, например, (...) *цветовой контраст черного и белого*» [25. С. 241]; в общелингвистическом смысле — «способ членения языковой личностью явлений и процессов мироздания на составляющие с целью их анализа и синтеза для ориентирования в мировом пространстве» [26. С. 67] или «динамическое противопоставление двух содержательно-логических планов изложения» [27. С. 115].

В стилистике принцип контраста выступает ключевым фактором текстообразования. На его базе реконструируется объемная художественная модель реальности: формируются образы действующих лиц (например, «прорисовывается» их речевой портрет), манифестируется авторская оценка, расставляются экспрессивные акценты, маркируется общая проблематика произведения; риторический контраст является «текстообразующим фактором в речевой деятельности» [28. С. 66; 29].

В составе субъективных (противительных) противопоставлений контрастные части, репрезентируемые лексическими оппозитивами, характеризуются параллельным расположением, что служит основанием для таких стилистических приемов, как антитеза³, оксюморон⁴ и синтаксический параллелизм⁵. Контраст реализуется не только в пределах отдельно взятых структурно-семантических блоков, но и в плоскости всего текста, выполняя композиционную функцию и обеспечивая внутреннее единство художественного произведения.

Манифестация противительности в рассказе Д.Д. Сэлинджера “Pretty Mouth and Green my Eyes” («И эти губы, и глаза зеленые»)

В рассказе Д.Д. Сэлинджера “Pretty Mouth and Green my Eyes” («И эти губы, и глаза зеленые») важнейшим содержательным вектором выступает принцип контраста, передающий семантику противительности. Методом сплошной выборки нами было выделено в тексте 41 противопоставление: из них 7 логических и грамматических (3 и 4 соответственно — 17%) и 34 субъективно-противительных (83%). Логические и грамматические противопоставления реализуются с помощью грамматических конструкций с оппозитивными союзами и лексических повторов, не обладающих ярко выраженной противительной семантикой, а субъективно-противительные формируются посредством антонимии, антитетических и оксюморотических элементов, синтаксического параллелизма и т.д. Очевидное превалирование последних с точки зрения частотности употребления обусловлено художественной интенцией

³ Антите́за (от гр. *antithesis* — противоположение) — одна из стилистических фигур: оборот поэтической речи, в котором для усиления выразительности резко противопоставлены прямо противоположные понятия, мысли, черты характера действующих лиц [15. С. 13—14].

⁴ Оксюмо́рон/оксиморо́н (от гр. *Οξύμωρον* — остроумно-глупое) — один из художественных тропов: оборот, состоящий в сочетании резко контрастных, внутренне противоречивых по смыслу признаков в определении явления [15. С. 100].

⁵ Параллели́зм (от гр. *parallelos* — идущий рядом) — один из приемов поэтической речи, состоящий в сопоставлении двух явлений путем параллельного их изображения. Такое сопоставление подчеркивает сходство или различие явлений, сообщает поэтической речи особенную выразительность и в зависимости от контекста произведения имеет в художественной литературе самое разнообразное применение, назначение и смысл. (...) В синтаксическом параллелизме два смежных периода поэтической речи однородны по синтаксическому построению фразы [15. С. 103—104].

автора предельно сузить нарративное пространство произведения и таким образом сконцентрировать высвободившийся потенциал внимания читателя на бунтующем негодовании главного героя (адвоката Артура), направленном против собственной жены Джоан, ее любовника, самого себя и механистической реальности.

Лексико-грамматические особенности реализации феномена противительности объективно просматриваются в следующей реплике: “She thinks she’s a *goddam intellectual*. (...) She reads the theatrical page, and she watches television till she’s practically blind — so she’s an *intellectual*. You know who I’m married to? You want to know who I’m married to? I’m married to *the greatest living undeveloped, undiscovered actress, novelist, psychoanalyst, and all-around goddam unappreciated celebrity-genius* in New York” (1). В анализируемом контексте базовая логическая оппозиция *умный — глупый* вербализуется в ярко выраженном противительном ключе и приобретает окказиональные черты: пренебрежительное *goddam intellectual* контрастирует с триплетом *undeveloped, undiscovered, all-around goddam unappreciated*, негативно-ироничную окраску которого усиливает семантическое окружение таких лексических единиц, как *the greatest living* и *celebrity-genius*, а также длинный «послужной список» Джоан (*actress, novelist, psychoanalyst*). Сочетание элементов с положительной (*the greatest living/celebrity-genius*) и отрицательной (*undeveloped/ undiscovered/all-around goddam unappreciated*) коннотацией в пределах одной эмосемы формирует нетривиальный оксюморон, создающий фактурный образ «жены-пустышки» и имплицитно негодование Артура.

Оксюморотические единицы интенсифицируют семантику противительности речевых высказываний и в такой коммуникативной ситуации: “Brains. Oh, God, that kills me! Christ almighty! (...) She describes every man she sees as ‘*terribly attractive*’. It can be the *oldest, crummiest, greasiest* —”; “*Grown woman! You crazy? She’s a grown child, for Chrissake!*” (2). Оксюморон-клише *terribly attractive*, маркирующий интеллектуально-нравственную близорукость героини, противопоставляется триплету *the oldest, crummiest, greasiest*, передающему реальное положение вещей, с градацией в сторону усиления семантики неприязни/отвращения как основного характеристического признака знакомых мужчин Джоан. Индивидуально-авторский оксюморон *a grown child* в комбинации с узуальным контрастивом *grown woman* служит той же цели: Д.Д. Сэлинджер прибегает к такому риторическому приему, чтобы еще раз акцентировать крайне заурадную внутреннюю организацию женщины.

Противительный ресурс рассказа значительно увеличивается не только через субъективные противопоставления, дополненные стилистической фигурой оксюморона, но и посредством антитетических элементов, например: “Brains! Are you kidding? She hasn’t got any *goddam brains*! She’s an *animal*! (...) I’m no *goddam animal*. I may be a *stupid, fouled-up twentieth-century son of a bitch*, but I’m no animal. Don’t gimme that. I’m no animal” (3). Антитеза на уровне образов-концептов *животное (пустой/бездуховный человек)* — *не животное (духовно развитый человек)* обеспечивается

вследствие использования Д.Д. Сэлинджером асимметричных неканонических антонимов *an animal — a stupid, fouled-up twentieth-century son of a bitch*. При рассмотрении вне представленного контекста упомянутые лексические единицы могут быть классифицированы скорее как частичные синонимы, семантическое поле одного из которых (*an animal*) включает в себя «ядро» другого (*a son of a bitch*). Иными словами, в условиях языковой изоляции эти номинативные элементы находятся в синонимических родо-видовых отношениях. Однако под влиянием субъективно-противительной составляющей, пронизывающей «ткань» художественного текста, логическая синонимия трансформируется в прагматическую антонимию, чей эмотивно-оценочный «заряд» интенсифицируется посредством повтора идейно значимого концепта *animal* в обеих контрастных частях. В результате в данном примере мы наблюдаем индивидуально-авторскую антитезу с большим потенциалом противительности.

Противительная семантика высказываний, маркирующих кульминацию незапланированной «исповеди» Артура, также базируется на лексико-семантических возможностях прагматических антонимических оппозиций, формирующих нетривиальные антитезы: “We’re mismated, that’s all. That’s the whole simple story. We’re just mismated as hell. You know what she needs? She needs some *big silent bastard to just walk over once in a while and knock her out cold — then go back and finish reading his paper*. That’s what she needs. I’m *too goddam weak* for her. I knew it when we got married — I swear to God I did” (4). Как видно, смыслообразующее противопоставление *сильный — слабый* имеет форму асимметричной антитезы: описание «сильного», т.е. грубого и бесчувственного мужчины (*big silent bastard to just walk over once in a while and knock her out cold—then go back and finish reading his paper*) является значительно более существенным количественно (с точки зрения объема описания) и качественно (с точки зрения семантической нагрузки) в сравнении с характеристикой духовно чуткого, т.е. «слабого» главного героя (*too goddam weak*).

В некоторых случаях существенную противительную семантику высказывания берут на себя скорее синтаксические средства, чем лексические единицы. В качестве иллюстрации рассмотрим следующий пример: “In the first place,” he said, into the phone, “for a helluvan *intelligent guy*, you’re about as tactless as it’s humanly possible to be”; “I’d like to beat some sense into that head of yours, boy, that’s what I’d like to do. (...) For a helluvan — for a supposedly *intelligent guy*, you talk like *an absolute child*. And I say that in all sincerity”; “Yeah, *but* the point is I don’t *think* you should, Arthur. (...) I mean you’re more than welcome to come, *but* I honestly think you should just sit tight and relax till Joanie waltzes in.”(5). Как можно заметить из приведенного отрывка, основной противительный смысл транслируется читателю с помощью однотипных грамматических конструкций с предлогом *for* и оппозитивным союзом *but*, формирующих синтаксический параллелизм, «заостряющий» коммуникативный посыл говорящего. Симметричная антитеза *an intelligent guy — an absolute child*, оценочное сравнение *you’re about as tactless as it’s humanly possible to be*, а также лексический повтор определения *an intelligent guy* и

глагола *think* в структуре самого параллелизма, очевидно, выполняют вспомогательную функцию, дополняя и усиливая семантику противительности, выражаемую посредством вышеупомянутых грамматических паттернов.

Наряду с лексико-грамматической манифестацией контраста формообразующую функцию в произведении выполняет также контрастное субъективное противопоставление на уровне текста. В повествовательной структуре рассказа символическую роль играет сложный образ, художественно реконструирующий взгляд Джоан. Примечательно, что цветовая характеристика глаз женщины осуществляется в процессе разворачивания проблематики произведения каждый раз по-разному. Так, первое упоминание цвета-символа присутствует уже в названии “*Pretty Mouth and Green my Eyes*”, в качестве которого выбрана строчка из стихотворения Артура, посвященного супруге. Затем Д.Д. Сэлинджер представляет читателю следующее описание, принадлежащее рассказчику: “*The girl heard him as if from a distance, and turned her face toward him, one eye — on the side of the light — closed tight, her open eye very, however disingenuously, large, and so blue as to appear almost violet*” (6). Зеленый цвет, заявленный в названии, превращается в насыщенно синий, почти фиолетовый. Творческая имплементация очевидного цветового несовпадения — индивидуально-авторский прием, призванный акцентировать уникальное мировосприятие Артура. В то время, как рядовой обыватель взаимодействует с реальностью на основе холодного *ratio* (насыщенно синий видится именно насыщенно синим), главный герой реагирует на стимулы извне нелинейно, подбирая особые оттенки для их интерпретации (насыщенно синий в его трактовке трансформируется в таинственный зеленый). Даже когда поэтический флер в отношениях между мужем и женой постепенно исчезает под влиянием объективной действительности, Артур продолжает оставаться в рамках чувственно-иррациональной перцепции: “*She doesn’t have green eyes — she has eyes like goddam sea shells, for Chrissake — but it reminded me anyway ... I don’t know*” (7). Как видно, в данном противительном высказывании глаза Джоан так и не называются «темно-синими» (т.е. их реальный цвет фактически «вне системы координат» главного героя), вместо этого Артур обращается к сравнению *like goddam sea shells*, характеризующемуся большим семантическим объемом и большей художественной выразительностью. Таким образом, можно сделать вывод о том, что неканоническая прагматико-контекстуальная оппозиция на уровне цветовых образов *blue — green* получает в рассказе глобальное текстообразующее значение. Она становится не просто стилистическим средством создания контраста, а основным маркером двух полярных мировоззрений, выразители которых, как показано в произведении, к несчастью, обречены на перманентное взаимонепонимание, приводящее к деструктивным последствиям для обеих сторон.

Заключение

Резюмируя результаты структурно-семантического анализа противопоставления в рассказе, мы видим, что феномен противительности актуализируется на

каждом семантически значимом уровне языковой организации художественного текста. На грамматическом — противительная семантика реализуется посредством использования сложных предложений с противительными союзами *and*, *but*, *though* и т.д. (19, 51%), а также с бессоюзной связью (4, 88%) и синтаксическим параллелизмом (12, 2%). На лексическом — с помощью оппозитивных междометий *well*, *oh*, *Christ*, *honest to God* и т.д. (24, 4%), вводных конструкций *however*, *in fact*, *as a matter of fact*, *actually*, *perhaps*, *basically* и т.д. (21, 95%), модальных слов и выражений *absolutely*, *practically*, *certainly*, *possibly*, *naturally*, *you know*, *listen*, *forget it* и т.д. (29, 27%), антонимических пар (43, 9%), лексических повторов (36, 59%), антитетических единиц (17, 07%) и оксюморонов (7, 32%). На уровне текста манифестацией противительности выступает контрастное противопоставление образов-символов (4, 88%). Как уже было упомянуто в исследовании, большинство противопоставлений, присутствующих в рассказе, являются субъективными (противительными) — 83%. В ходе анализа выявлено, что благодаря свойственной им асимметричной природе они изначально обладают более эффективным семантическим потенциалом в сравнении с логическими и грамматическими противопоставлениями, являющимися симметричными с точки зрения структуры. Осложнение субъективных (противительных) противопоставлений посредством «включения» в их состав лексико-грамматических элементов, указанных выше, расширяет объем смыслов, имплицитруемых данным видом противопоставлений, при этом асимметричные языковые конструкции придают всему речевому высказыванию большую лексико-семантическую емкость, чем симметричные. Из этого следует, что использование субъективных (противительных) противопоставлений, содержащих те или иные лексико-грамматические элементы, представляет собой эффективное средство реализации принципа контраста как на лексико-грамматическом уровне, так и на уровне текстообразования. Его использование в качестве базовой противительной составляющей художественного произведения позволяет создать фактурную систему образов, репрезентирующих тематику и проблематику литературной работы в соответствии с творческой интенцией автора.

Библиографический список

1. Фролов И.Т. *Философский словарь*. М. Республика, 2001.
2. Шмидт Г. *Философский словарь*. М.: Республика, 2003.
3. Ивин А.А., Никифоров А.Л. *Словарь по логике*. М. : Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997.
4. Кондаков Н.И. *Логический словарь-справочник*. М.: Наука, 1975.
5. Мукаржовский Я. *Исследования по эстетике и теории искусства*. М.: Искусство, 1994.
6. Овсянников М.Ф. *Краткий словарь по эстетике: Кн. для учителя*. М.: Просвещение, 1983.
7. Бим-Бад Б.М. *Педагогический энциклопедический словарь*. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.
8. Matthews P.H. *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
9. Мартине А. *Основы общей лингвистики*. М.: Либроком, 2009.
10. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М.: Советская энциклопедия, 1966.

11. *Инькова-Манзотти О.Ю.* Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Сопоставительное исследование. М.: Изд-во МГУ, 2001.
12. *Милованова М.С.* Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа: моногр. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.
13. *Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973.
14. *Ильин В.Н.* Основная проблема теории познания // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 123—134.
15. *Тимофеев Л.И.* Краткий словарь литературоведческих терминов. М.: Учпедгиз, 1963.
16. *Диброва Е.И.* Антонимическая парадигма // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. М.: Академия, 2001.
17. *Булаховский Л. А.* Введение в языкознание. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1953.
18. *Комиссаров В.Н.* Проблема определения антонима (О соотношении логического и языкового в семасиологии) // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 49—58.
19. *Новиков Л.А.* Антонимия в русском языке: семантический анализ противоположности в лексике. М. Изд-во Моск. ун-та, 1973.
20. *Новиков Л.А.* Избранные труды. Том 1. Проблемы языкового значения. М.: РУДН, 2001.
21. *Михайлов В.А.* Генезис антонимических оппозиций. (Антонимия и отрицание). Л.: ЛГУ, 1987.
22. *Lyons J.* Linguistic Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
23. *Cruse A.* Meaning in Language: an Introduction to Semantics and Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2011.
24. *Egan R.F.* Survey of the History of English Synonymy. Springfield, MA: Merriam-Webster, 1968.
25. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М: Аделант, 2014.
26. *Корнилова Л.А., Исмаева Ф.Х.* Способы реализации категории противоположности на разных уровнях в русском и английском языках // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 66—70.
27. *Филин Ф.П.* Русский язык: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979.
28. *Ковтуненко И.В.* Риторические отношения контраста в тексте блога: средства маркирования, семантика, функции // Русистика. 2018. Т. 16. № 1. С. 63—90. doi: 10.22363/2313-2264-2018-16-1-63-90
29. *Shaklein V.M., Kovtunencko I.V.* (2021). Models of rhetorical relations in Russian blogging as an indicator of interlocutors' information behavior // Russian Language Studies. 2021. № 19 (2). P. 167—179. doi: 10.22363/2618-8163-2021-19-2-167-179

References

1. Frolov, I.T. (2001). *Philosophical Dictionary*. Moscow. (In Russ.).
2. Shmidt, G. (2003). *Philosophical Dictionary*. Moscow. (In Russ.).
3. Ivin, A.A. & Nikiforov, A.L. (1997). *Dictionary of Logic*. Moscow. (In Russ.).
4. Kondakov, N.I. (1975). *Logical Dictionary and Reference Book*. Moscow. (In Russ.).
5. Mukarzhovskiy, Ya. (1994). *The Studies in Aesthetics and Art Theory*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
6. Ovsyannikov, M.F. (1983). *The Concise Dictionary of Aesthetics*. Moscow. (In Russ.).
7. Bim-Bad, B.M. (2002). *Pedagogical encyclopedic dictionary*. Moscow. (In Russ.).
8. Matthews, P.H. (1997). *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
9. Martine, A. (2009). *The Fundamentals of General Linguistics*. Moscow: Librokom publ. (In Russ.).
10. Akhmanova, O.S. (1966). *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow. (In Russ.).
11. In'kova-Manzotti, O.Yu. (2001). *Opposition Connectors in French and Russian. Comparative Study*. Moscow: MSU. (In Russ.).
12. Milovanova, M.S. (2015). *The Semantics of Oppositivity: the Experience of Structural-Semantic Analysis*. Moscow: FLINTA: Nauka publ. (In Russ.).

13. Doroshevskiy, V. (1973). *Elements of Lexicology and Semiotics*. Moscow: Progress publ. (In Russ.).
14. Il'in, V.N. (2009). The Main Problem of the Theory of Knowledge. *Voprosy filosofii*, 7, 123—134. (In Russ.).
15. Timofeyev, L.I. (1963). *The Concise Dictionary of Literary Terms*. Moscow. (In Russ.).
16. Dibrova, Ye.I. (2001). *Antonymic Paradigm. Modern Russian Language: Theory. Analysis of Linguistic Units*. Moscow: Academy publ. (In Russ.).
17. Bulakhovskiy, L.A. (1953). *Introduction to Linguistics. Part 2*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
18. Komissarov, V.N. (1957). The Problem of Defining the Antonym (about the Relationship between the Logical and the Linguistic in Semasiology). *Voprosy yazykoznaniya*, 2, 49—58. (In Russ.).
19. Novikov, L.A. (1973). *Antonymy in the Russian Language: Semantic Analysis of Opposition in Vocabulary*. Moscow: MSU. (In Russ.).
20. Novikov, L.A. (2001). *Issues of Linguistic Meaning*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
21. Mikhaylov, V.A. (1987). *The Genesis of Antonymic Oppositions. (Antonymy and Negation)*. Leningrad: LSU. (In Russ.).
22. Lyons, J. (1995). *Linguistic Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Cruse, A. (2011). *Meaning in Language: an Introduction to Semantics and Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
24. Egan, R.F. (1968). *Survey of the History of English Synonymy*. Springfield, MA: Merriam-Webster.
25. Ushakov, D.N. (2014). *Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language*. Moscow. (In Russ.).
26. Kornilova, L.A. & Ismayeva, F.Kh. (2015). Ways of the Realization of the Opposition Category on Different Levels in Russian and English. *Filologiya i kul'tura*, 2(40), 66—70. (In Russ.).
27. Filin, F.P. (1979). *The Russian Language: Encyclopedia*. Moscow. (In Russ.).
28. Kovtunenko, I.V. (2018). Rhetorical relations of contrast in the blog text: marking means, semantics, functions. *Russian Language Studies*, 16(1), 63—90. doi: 10.22363/2313-2264-2018-16-1-63-90
29. Shaklein, V.M. & Kovtunenko, I.V. (2021). Models of rhetorical relations in Russian blogging as an indicator of interlocutors' information behavior. *Russian Language Studies*, 19(2), 167—179. doi: 10.22363/2618-8163-2021-19-2-167-179

Сведения об авторах:

Лунькова Лариса Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры германо-романских языков и методики их преподавания Государственного социально-гуманитарного университета, г. Коломна, доцент; *научные интересы*: теория и практика перевода, теория и практика межкультурной коммуникации, теоретическая лингвистика, когнитивная лингвистика, стилистика и анализ текста; *e-mail*: loralu@list.ru

Фролова Юлия Игоревна, преподаватель иностранных языков МБОУ «СОШ № 18» Коломенского городского округа; *научные интересы*: стилистика, теоретическая лингвистика, когнитивная лингвистика, методика преподавания иностранных языков; *e-mail*: juliejulie1903@gmail.com

Information about the authors:

Larisa Nikolaevna Lunkova, Doctor of Philology, Professor of the Chair of German and Roman languages and their teaching methods in the State University of Social Studies and Humanities, Kolomna, Assistant-professor; *research interests*: translation theory and practical translation, intercultural communication, theoretical linguistics, cognitive linguistics, general stylistics and text analysis; *e-mail*: loralu@list.ru

Julia Igorevna Frolova, teacher of foreign languages (High Comprehensive School Number 18, Kolomna district); *research interests*: stylistics, theoretical linguistics, cognitive linguistics, language teaching methodology; *e-mail*: juliejulie1903@gmail.com